

ВОСТОКОВА Г. В.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА

(об одном из значений *пол-/полу-* как первого компонента сложений в русском языке XI—XVII вв.)

Описание лексики в словарях русского языка различных типов (исторических, современных, диалектных и т. п.) в качестве основной лексикографической проблемы выдвигает проблему семантического содержания фиксируемых единиц. При этом лексикограф-историк нередко оказывается перед задачей толкования слова, обозначающего утраченную реалию или представление. Один из путей решения такой задачи лежит в изучении компонентов линейной структуры слова как целостной синтагмы и в определении его положения в многочисленных парадигматических рядах на различных уровнях языковой системы: грамматическом, словообразовательном, лексическом.

Цель статьи — проиллюстрировать возможности определения лексического значения слов на основе анализа значения общего компонента и их семантико-тематической отнесенности. Материалом для наблюдений служат сложения с *пол-/полу-* по данным памятников письменности XI—XVII вв. с привлечением фактов языка XVIII в., современного литературного языка и диалектов.

Модели сложений с *пол-/полу-* генетически восходят к сочетаниям существительного *полъ* с зависимым словом. Изолированное *полъ*, как указывает Г. А. Богатова, в древнерусском языке обладало сложившейся системой значений: «одна из двух частей чего-л., иногда неравных; половина», «середина чего-л.», «одна из сторон чего-л., берег» [1]. Эти значения реализуются и в составе сложений: 1) «половина», точная (в сочетании с числительными и наименованиями единиц измерения — *полтретья*, *полубочка*) и приблизительная (*съ полстакана*, *полцарства*), то же в составе наречий (*вполъ*, *вполю*, *наполю*, *исполю*); 2) «граница между двумя половинами, середина чего-л. линейно протяженного», точная (*полдень*, *полночь*) и приблизительная, нередко обусловленная значением предлога (*съ полдороги*, *до полуноги*); 3) «одна из двух сторон чего-л., берег» (*обонъполъ*, *обаполъ*, *обапольный*).

В то же время связанное *полъ* развивает и такие значения, которые свойственны ему как отдельному слову только в части предложных употреблений (ср. далее примеры из памятников с лексикализированными формами *вполъ*, *вполю*, *исполю*). Эти значения объединяются общим указанием на подобие, сходство предмета, названного сложением, с предметом, обозначенным второй частью (*полукафтанъ*, *полжубка*, *полукрючье*, *ползолотной*). Значения последней группы образований представляют особый интерес, как содержащие качественную характеристику объекта номинации.

Качественные значения *пол-/полу-* в литературе принято называть «наречными» в отличие от «числительных», указывающих на членение исходного объекта на две части (1-е и 2-е) или подразумевающих парность объектов (3-е). Очевидно, что между «наречными» и «числительными» значениями существует семантическая связь: качество именуемого объекта связано с представлением о его величине, степени интенсивности проявления признака (если речь идет о прилагательных); оно выступает как неполное, означая меньшую величину именуемого объекта, по сравнению с исходным, недостаток или отсутствие в именуемом объекте опре-

деленных признаков, деталей, свойственных исходному; именуемый объект всегда в чем-то частичен по отношению к исходному объекту.

Компонент *пол-/полу-* с качественной семантикой, по сути, оказывается одним из способов выражения неполноты качества предмета или признака наряду с приставками: *под-* (*подлец, подмастерье*), *недо-* (*недоумок, недолисок*), *су-* (*сумрак, суглинок*), *при-* (*придурок, приглубый*) и т. п.¹ Сопоставление с близкими по значению приставочными образованиями, выявляющее частные случаи парадигматических связей, также может быть весьма продуктивным при определении мотивации сложного слова.

Выражение неполноты качества с помощью компонента *пол-/полу-* является едва ли не самым продуктивным в современном русском языке, оно широко представлено и в памятниках письменности. Однако вопрос о семантике *пол-/полу-* в подобных образованиях еще не имеет достаточно глубокой и детальной разработки. Так, 17-томный Словарь современного русского литературного языка указывает только одно, нерасчлененное, значение такого рода «не совсем, не до конца, почти». В этих же границах от «не совсем то» до «почти то же» рассматривает наречные значения *пол-/полу-* М.-О. Маликова [2], создавая интересную классификацию значений *пол-/полу-* в целом. Однако ее наблюдения ограничиваются данными современного русского языка, причем только представленными в названном словаре².

Между тем система качественных значений *пол-/полу-*, как и любое явление языка, имела свою историю, была причинно обусловлена и подготовлена развитием компонента образования от самостоятельного слова до семантически обогащенной части сложного слова, по мнению некоторых ученых, даже префиксоида [4, 6]. Относительно диахронического аспекта вопроса мы имеем лишь одно замечание, высказанное И. И. Срезневским: «Поль и полу в соединении с прилагательными качественными и глаголами имеет значение, равное выражениям „отчасти, частью, почти“: *поль сухой* — почти сухой, *полугниязе* — почти гнил» (Срезн. II, стлб. 1145)³. Несомненно, в словах И. И. Срезневского содержится ключ к пониманию сущности и происхождения качественных значений *пол-/полу-*. Вместе с тем собранный нами материал позволяет рассматривать этот вопрос шире, не только по отношению к прилагательным, но и по отношению к существительным.

Ранние образования с *пол-/полу-* весьма немногочисленны, они встречаются в памятниках с церковнославянским типом языка. Эти памятники зачастую представляют собой переводы с греческого. Сопоставление церковнославянского слова с его иноязычным соответствием дает дополнительную, нередко решающую, информацию о значении слова [7].

В Синайском Патерике читаем: «Бяху и лють и польсьмрътъна оставивъше охощааху (*ἡμάρταν*)», 385. XI в. Является ли образование *польсьмрътънъ* дельноформленным словом или наречным сочетанием типа «почти мертвый», судить трудно, но несомненно то, что *поль* употребляется здесь в переносном значении: «наполовину» > «частично» > «почти». Это значение закрепилось в более позднем прилагательном *пол(у)мертвый*: «Ура-

¹ Примеры взяты из соответствующих разделов «Русской грамматики» 1980 г.

² На материале современного русского языка качественные значения *пол-/полу-* рассматривались также в работах Р. П. Рогожниковой [3], М. В. Черепанова [4], В. Н. Немченко [5] и некоторых других исследователей.

³ Включая глагол *полугнити* в «Материалы для древнерусского словаря», И. И. Срезневский опирался на издание отрывков Синайского Патерика XI в. в «Исторической христоматии церковнославянского и древнерусского языков» Ф. И. Буслаева (М., 1861, 334—342). Правила воспроизведения текста рукописи еще не были разработаны в то время, поэтому при прочтении этого места была допущена неточность. Новейшее издание Патерика (М., 1967) указывает на разору в две буквы между *о* и *л*. В греческом оригинале соответственно находим *πρόσκαιρος ἐσθίματος* «тем временем гнила» (указ. изд., с. 50) — выражение, не обуславливающее необходимость появления компонента *полу-*. Кроме того, рассматриваемый пример оказался единственным в наших материалах соединением *пол-/полу-* с глагольной основой для XI—XVII вв. Таким образом, существование данного сложения представляется сомнительным.

нени полмертви оставлени». Сл. Евф. о мил., 33. XVII в.⁴, «Начаша бити ея велми... яко остати ей полумертвой». Ж.ц.Дм., 13. XVII—XVIII вв. Сохраняется оно и в выражении *до полусмерти*⁵: «И учалъ меня бить... и убилъ до полусмерти». АМГ I, 248. 1629 г., а также в синонимичном *до полуумертвия*: «И он Кондратей и тое дочерипшку мою девчонку убил до полуумертвия». А. Ивер. м., Челобитная 1682—1692 гг.

Иное значение компонента *пол-* наблюдаем в Истории иудейской войны Иосифа Флавия (переводном памятнике XI в., известном по спискам XV—XVI вв.). Так, древнегреческие герои названы полубогами: «Мню же, яко и еллини, ту мысль имѣюще, написаха о своих, глаголюще яко душа храбрых, нарекше полубогы я, ведут на блаженные острова (ἡμιθέοις καλοῦσιν)», Флавий. Полон. Иерус. I, 144. XVI в. ~ XI в.; «Кто бо не вѣсть от благых мужь... сущи дѣмони блази и полубози, милостию являюще ся своим сродником съ кротостию (ἡρώες)» (там же, II, 138); обладающими полубожественной душой: «Быс(ть) в нем полубожнаа душа и храбрѣиши тѣла (ἡρωικὴ φύλη)» (там же, II, 140). *Полу-* (поло-⁶) имеет здесь переносное качественное значение «подобный, похожий», «обладающий какими-то признаками того, что названо вторым компонентом». Интересно, что в первом случае (*полубогы*) образование является калькой с греческого сложного слова ἡμιθεός (Flav., с. 184), следующие два — самостоятельные переводы по смыслу: ἡρώες — «полубози» (Flav., с. 519), ἡρωικὴ «полубожная» (Flav., с. 520). В греческом языке компонент ἡμι- уже обладал системой переносных качественных значений (ср.: ἡμιβρεχίς — «наполовину мокрый, влажный», ἡμικλαστός «полуразбитый, надломленный», τὸ ἡμιπέλεκλον — «полусекира» — Дворецкий), которые проникали в язык переводных памятников и безусловно способствовали развитию аналогичных значений у *пол-/полу-* на русской почве, а также осознанию образований с *пол-/полу-* как цельнооформленных сложных слов.

Более поздние памятники церковного жанра дают примеры нового значения *пол-*: «не совсем, отчасти»: «Польсуха сътвори». Пам. Мил. муч. (Срезн. II, стлб. 1148); «Падохъ яко мртвъ и пребыс(ть) лежа на одрѣ много время полсухъ». Вол. Пат.², 359. 1554—1568 гг.

Книжно-литературной разновидности языка принадлежит образование *полувѣрие* «об ошибочном с точки зрения христианской православной церкви осознании божественного закона», употреблялось по отношению к еретическим учениям и к католической, «латинской», вере: «[Меркурий] вѣроу православную отгражден, а не полувѣриемъ боляи». Мерк. Смол. служ., 417. XVII в.; последователи католицизма, «латини», получали эпитет *полувѣрные*: «Книги противъ полувѣрныхъ латиновъ писати... повелеваютъ». Курб.Пис., 463. XVII в. ~ XVI в.; отсюда и производный субстантив *полувѣрный* «тот, кто придерживается латинской веры»: «Здѣ ми зри, полувѣрне, лицемѣрны христианине... яко храбри еще обрѣтаются старцы въ православной християнской землѣ». Курб.Ист., 343. XVII в. ~ XVI в. С последним сходно образование *полбожники*: «Иромъ — баснем вѣрующей ложным, они же нарицаются и полбожницы». Алф.¹, 99об. XVII в., т. е. «заблуждающиеся в вере, приверженные полубогам». В этих образованиях значение *пол-/полу-* приближается к отрицанию того, что названо второй частью (ср.: *невѣрие*, *невѣрный*), однако оно с трудом поддается определению вследствие большой идиоматичности данных сложных слов.

⁴ Названия памятников приводятся в соответствии с правилами, принятыми в Словаре русского языка XI—XVII вв. («Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений». М., 1975).

⁵ Интересно, что нам удалось найти только одно самостоятельное употребление слова *полусмерть*: «Много ли 70? Многим ли удастся досчитаться до 100? И что жизнь между 70 и 100? Полусмерть». (Жуковский В. А. Письмо 1841 г. — К ССРЛЯ).

⁶ Возможно, перед нами единственная в своем роде попытка переводчика строить сложения с *полъ* по общей модели с соединительной гласной — *пол-о-*. Известные позднее *полоужъ* (А. гражд. распр. I, 203. 1559 г.) и *полоустный* (Тов. цен. росп., 65. 1649 г.) связаны, по-видимому, со словом *полый* «пустой» (ср. Фасмер, III, с. 317).

Иногда греческое сложное слово, содержащее компонент *ἡμί-*, переводилось сочетаниями наречного типа *въ полъ, въ полы, исполу*, которые также приобретали качественные значения, аналогичные названным выше значениям *пол-/полу-*: «Уне ти есть быти въ полы суху, неже вьсему» (*ἡμιξηρον εἶναι, ἢ ὀλιξηρον*). Изб.Св. 1076 г., 534; «Се иже длѣгъими альчѣбами истяски и у полы сѣмрътъи (*ἡμιθυγῆτες*)». Гр.Наз., 204. XI в.; «Рече господь притчею о вѣпадъшимъ в разбойники, и от них одежа обнажену, и язву приимъшу, и исполу мъртву при пути повържену». Кир. Тур. XII, 358. XIV в. — XII в. Качественное значение *въ полъ, въ полы, исполу* оставалось характерным для памятников церковного жанра и высокого стиля и позднее: «Возложивша на мя раны доволны и оставивша мя въ полы мертвѣ». Х. Зос., 20. XVI в. — 1422 г.; «Браду имѣя долгу, русу, в пол сѣду». Ж. Стеф. Махр., 461. XVII в. — XVI в.; «Яко же убо от Иерусалима божественныхъ заповѣдей и ко ерихонскимъ страстемъ пришед... усныи благодати совлеченъ быхъ одѣяния, и ранами исполу мертвъ оставленъ». Дух. и дог. гр., 462. 1572 г.

Итак, ранние образования с качественным *пол-/полу-*, а также *въ полъ, въ полы, исполу* встречаются в книжно-литературных памятниках, нередко это кальки соответствующего греческого сложного слова. Употребление образований с *пол-/полу-*, построенных по модели, аналогичной греческой модели сложного слова, и заметная идиоматичность значений данных образований позволяют считать их сложными словами, несмотря на параллельное существование синонимичных сочетаний с наречиями *въ полъ, въ полы, исполу*.

Наличие в русском языке сложных слов с качественным *пол-/полу-* и развитие различных оттенков качественности в данном компоненте нельзя, однако, относить исключительно на счет влияния греческих образцов⁷. Подобные слова, безусловно, существовали и в народно-разговорном языке, о чем свидетельствует их наличие в современных диалектах. В XVI—XVII вв. множество сложных слов с данным компонентом зафиксировано в деловой письменности, причем форма *полу-* для качественных значений становится преобладающей.

Сложные слова с качественным *пол-/полу-* входят в состав целого ряда лексико-тематических групп, в то же время образуя семантические группы по признаку соотношения качественности значения, вносимого компонентом *пол-/полу-* в сложение, с содержащимся в этом компоненте исходным представлением о величине, причем внеязыковые связи слова, его предметная отнесенность здесь особенно наглядно представлены как существенный момент обусловленности номинации [9].

Рассмотрим типичные, наиболее определенные в семантическом отношении случаи, не исчерпывающие всего материала, отражающего многообразие межкомпонентных отношений в модели, ищущей собственное семантическое наполнение среди синонимичных и полусинонимичных структур. Предлагаемые для рассмотрения случаи представляют собой тематические объединения имен существительных. Имена прилагательные в данный период относительно немногочисленны и большей частью вторичны, т. е. образованы от сложных имен существительных.

Для периода XVI—XVII вв. можно выделить три большие семантические группы, различающиеся уровнем качественности значения *пол-/полу-*.

I. К первой семантической группе относятся сложные наименования предметов, качественные особенности которых определяются в первую очередь их размерами. Именуемый предмет представляет собой целиком более или менее точную копию исходного предмета, но меньшего размера, причем степень уменьшенности (вполовину, больше или меньше половины) значения не имеет:

1. В названиях меховых шкурок: *полукуница* («Тритцат шапокъ муских з бобровыми пухами разныхъ цвѣтовъ, ꙗко шапки с полукуницей разныхъ

⁷ Сложения с *пол-/полу-* и позднее нередко появлялись в результате калькирования иноязычных слов, например: *полуостров* с нем. *Halbinsel*. *полуфабрикат* с нем. *Halbfabrikat* [8].

же цвѣтов». Там. кн. Тихв. м., № 1352, 13. 1669 г.), *полусоболь* («Шуба песцовая, покрыта камкою черною, по подолу по полусоболю». Кн. пер. казны Ник., 105. 1638 г.). По-видимому, здесь следует видеть не половинки разрезанных шкур, а шкурки меньшей величины, чем те, которые были приняты в качестве мерной единицы, возможно, принадлежащие молодым, недоросшим животным. Ср. в архангельском говоре: *полупесец* «молодой, еще не взрослый песец» (Подвысоцкий, 130). В данной тематической группе встречаем синонимичные образования с *недо-*: «З сорока куниц и недокуней». Там. кн. III, 35. 1676 г.; «Худыхъ соболей и вешныхъ и недособолей въ государевъ ясакъ не имати». ДАИ II, 162. 1639 г., а также: «С песцов рослых и непесков... имать десятая пошлина с промыслу». Там. д. Сиб., 369. 1689 г. Значение *полу-*, таким образом, здесь полностью синонимично значению *недо-*, оно показывает, что предмет не вполне является тем, что названо во второй части, причем в первую очередь важен факт уменьшенной величины предмета, названного производным словом, по сравнению с предметом, названным мотивирующим словом.

К этой группе примыкает и название выделанной шкуры *полукожа* («Велѣно привезти московскихъ товаровъ... 2000 полукожъ лошадиныхъ на гзы». Посольство Звенигородского, 213. 1594—1596 гг.). Ср. *полукожникъ* — «малая, маломѣрная кожа» (Даль, III, 252). В современном языке *полукожником* называется шкура бычка старше полугодовалого возраста, более грубая, чем шкура «опойка» или «выростка», не достигших полугода (БСЭ, т. 33, стлб. 639). Отсюда, возможно, что слово *полукожа* заключает в своем значении либо только понятие о небольшом размере, либо также и о грубой фактуре, оставаясь в любом случае наименованием шкуры молодого животного (в примере — жеребенка).

2. В названиях рыб: *полулещъ* («Лещов семсот без трицати лещов, триста полулещей». Там. кн. Тихв. м., № 1291, 20. 1635 г.), *полуосетръ* («А запасовъ... осетръ съ полуосетромъ провѣстныхъ». Посольство Тихан., 208. 1614 г.), *полурьбникъ* («А привозили б они полурьбники и шевриги... полурьбников [продавати] по две за рыбу, а шевриг по пяти за рыбу». Астрах. а., № 772, сст. 3, Наказ 1623 г.). Способ указания на недостаточность размера рыбной особи, по сравнению с принятой за норму, с помощью *пол-/полу-* широко известен в говорах: *полумѣрка* «рыба меньше 1½ аршин длины» (астрах., Доп., 197), *пол-угорникъ* «мелкий угорь, не более фунта весом» (псковск., 1912—1914 — К СРНГ), *полумерок* «нестандартная рыба» (уральск., 1975 — К СРНГ) и т. п. В данной тематической группе *пол-/полу-* выступает синонимом к *недо-*: «Щук и судочков и окуней и подлещиков на 10 рублей с полтиною». Кн. прих.-расх. Волокол. м., № 1028, 81 об. 1575—76 г.; «400 лещей и подлещья вялыхъ, просолныхъ». Оп. им. Тат., 20. 1608 г. Ср. также в современном литературном языке: *подлещ* и *подлещик* «речная рыба, сходная с лещом, а также лещ небольших размеров» (ССРЛЯ X, 434).

3. В названиях оружия: *полкартоуна* («60 полкартоунъ, 110 мортировъ, 20 000 бомбовъ». Петр, I, 28. 1695 г.), *полника* («[Прапорщик] не-сетъ... полпики или фузею з багенетомъ». Устав Вейде, 21 об. 1698 г.) и *полуника* («Его [полуполковника] оружие есть полуника». Там же, 25), *полупистоля* («Двѣ сабли простыхъ... да пистоль, да полупистоля». Д. Шакловит. I, 525. 1689 г.). *Картаунъ* — «название осадной пушки, заряжавшейся ядром в 40 фунтов (ср. нем. *Kartaune* — картауна, пушка)» (СлРЯ XI—XVII вв., VII, 83); полкартауна заряжалась ядрами вполонину меньшими по весу: «Новой карабль съ осьмнадцатифунтовыми [пушками], или полкартаунами, вскорѣ заложитца». Петр, III, 159. 1704 г. Точно так же, по-видимому, сопоставлялись по каким-то измеряемым признакам *ника* и *полуника*, *пистоля* и *полупистоля*. Роль понятия величины для мотивации данных наименований подтверждается употреблением слова *недомѣрокъ* по отношению к оружию: «З луки черкаские недомѣрки». Оруж. Бор. Год., 25. 1589 г., «9 пищалей полоторных и недомерков медныхъ». Оп. оруж. Кир.-Б. м., 196, 1635 г.; «Старыхъ мушкетовъ недомѣрковъ, съ жаграми». Кн. описн. Кир.-Б. м. I, 8. 1668 г. *Пол-/полу-* и в этой тематической группе выступает синонимом к *недо-*.

4. В названиях судов: *полубарка* («В кострах и в полубарках варнишных плавных дровъ... одиннатцать тысячь двесте пятьдесят одна сажень»). Кн. Ивер. м., № 122, 10. 1679 г.), *полубусь* («И иноземцовъ торговыхъ людей, которые... въ Астарахань ѣздить на бусахъ и на полубусьяхъ и въ стружкахъ, [казаки бы] не грабили.» ДАИ XI, 134. 1684 г.), *полувешнячье* («Куплен дощаникъ полувешнячье дву водъ. Кн. прих. расх. Холмог. арх. д. № 103, 6. 1685 г.), *полукаторга* («Взяли наши турецкую полукаторжи, которая долиною ручныхъ сажанъ з дватцать». Петр. I, 47. 1695 г.), *полукаторгина* («Повелѣлъ колие бити и полукаторгину... нагрузя каменiem, потопити». Аз. пов. особ., 33. XVIII в.), *полукорабелье* («Воевода ж... собрал втаи сто полукарабелеи да двѣ бусы наполнены ратныхъ людей». Куранты¹, 118. 1628 г.).

Полубарка (полубарокъ) определяется как «водоходное судно, строением барке подобное, но гораздо оной менее» (САР 1822, IV, 1450). *Буса* — «большая долбленая лодка, однодеревка» (Даль, I, 144), «род мореходного судна» (СлРЯ XI—XVII вв., I, 358), в то время как *полубуски*, более поздний аналог *полубусья*, упоминаются при перечислении «мелкихъ судов», занятых на рыбных промыслах (ПСЗ XII, 277. 1744 г.). Для остальных наименований мы не имеем данных для сопоставления, однако логично предположить подобные отношения между производным и мотивирующим словом и для них.

5. К этой же группе относятся и названия посуды: *полкубка* («Посломъ дары... кубокъ двойчатъ, золочень... полкубка». Швед. д., 168. 1569 г.), *полумисокъ* («Въ Дорогобужѣ... изгнули два полумиски цыновые». Польск. д. III, 749. 1570 г.), *полумисье* («Да на Оптикорскомъ же дворѣ серебряныхъ судовъ: 4 полумисья, 5 блюдь среднихъ, 6 блюдь малыхъ». ДТП I, 210. 1676 г.), *полпогаръ* «Польпогаръ новой резной» [10] (ср. польск. *pihar* «чаша, чарка»).

Слово *полумисокъ* юго-западного происхождения, как и большинство слов данной тематической группы, сохранилось в некоторых говорах до наших дней как название «плоской чаши или блюда» (в форме *полмисокъ*, зап. Даль, III, 252; ср. польск. *połmisek*), «маленькой чашки» (также в форме *полмиска*, калуж., 1916 г. — К СРНГ), «небольшая миска» (курск., 1967 г. — К СРНГ)⁸.

II. Более свободная зависимость между неполнотой качества и величиной объекта номинации наблюдается в тех случаях, когда именуемый объект не является уменьшенной, более или менее точной копией исходного объекта, а обладает рядом отдельных признаков, деталей, частей, по которым он может рассматриваться как подобие последнего.

Данная семантическая особенность также охватывает слова, принадлежащие к разным тематическим группам. Рассмотрим некоторые из них в порядке убывания названной зависимости:

1. В названиях экипажей: *полукарета* («Въ Коретномъ анбарѣ... полукарета сверху обита и въ ней кожею черною и гвоздми лужеными». Заб. Мат. I, 1181. 1691 г.), *полукаретка*, здесь «вид игрушки» («За взятые потѣшки, которые взяты ко г(осударю) царевичу въ комнату... за страменцы, за полукаретку 6 алт. 4 д.» Заб. Дом. быт, II, 580. 1693 г.), *полукаретье* («Полукаретье дорожное съ полами, сверху обито черною кожею». Д. Шакловит. IV, 180. 1682—1686 гг.). Лексикон Целлария приводит слово *полукаретка* в одном ряду с *одноколка*: «Carrúca, f. Полукарѣтка, одноколка» (с. 42, 1746 г. — К XVIII), которая в Лексиконе Волчкова стоит в толковании рядом со словом *полуколяска*: «Одноколка, извѣстная полуколяска о двухъ колесахъ, на которой одна, а в силу двѣ персоны ѣздить» (I, 369, 1755 г. — К XVIII). Таким образом, *полукаретка*, как и *полукарета*, обозначают не просто маленькую карету, а особый вид экипажа, отличающийся количеством некоторых деталей, например, колес, хотя и сходный по устройству и внешнему виду с каретой.

2. В названиях хозяйственной утвари: *полуключье* («Сергею старцу

⁸ Ср. также *полутарелка* — особый сорт посуды, вырабатывавшийся в Пермском уезде (Перм. краевед. сб., вып. I, 1924 г., с. 95. — К ССРЛЯ).

ковал... в поварню полукрючѣ(ь)е, цена ·й· де(ньги)». Арх. Бог. Важ. м., № 886. 1680 г.) и *полукрючье* («Два крюка печных железных да полукрючѣ(ь)е железное». Арх. Карг. м., № 52. 1622 г.), *полуситокъ* («Куплено три сита волосяных большой руки... да дватцать полуситков волосяных же». Кн. Ивер. м. № 24, 430б 1663—64 г.).

Слово *крюкъ* встречается в памятниках архангельского края, где оно имеет значение «кочерга» (СлРЯ XI—XVII вв., VIII, 97), это же значение отмечает и Даль: «арх., клюка, кочерга» (II, 207). Отсюда *полукрючье* и *полуключье* также называют род кочерги, которая, по устному сообщению В. Я. Дерягина, отличалась от обычной тем, что ее черенок (ручка) изготовлялся из дерева, а не из металла, вследствие чего железная часть полукрючья оказывалась намного короче «полного» крюка.

Полуситокъ — западное образование, определяемое как «редкое сито» (Добровольский, II, 656) и противопоставляемое в памятнике «ситу большой руки». Иногда, в отличие от волосяного сита, *полуситокъ* делался из мочал, так как не требовалось большой частоты переплетения сетки (там же). В говорах известно также *полусито* «мочальное», по частоте сетки занимающее промежуточное место между более частым *ситом* и более редким *подситком* (Изв. РГО, II, 217. 1929 г. — К ССРЛЯ). Значение *полу-* в данном случае не полностью синонимично значению префикса *под-*, указывая на меньшую степень неполноты качества, чем *под-*. Качество же предмета определяется здесь не уменьшением его величины, а уменьшением выраженности одного из признаков его детали, а именно частоты сетки.

3. В названиях одежды: *полукафтанъ* («Явиль... 3 полукафтана крапенинных». Там. кн. I, 12. 1633 г.), *полукафтанье* («Даль вкладомъ... полукафтанье обьяринное». Вкл. Ант., 51. 1660 г.), *полуманатъ* («Явиль... ·й· манатей старческих да ·ё· полуманатей». Там. кн. Тихв. м., № 1348, 22. 1668 г.), *полумантия* («2 мантии большие же, да 2 полумантии... Манатийка малая з боркомъ». Вкл. Ант., 71. 1677 г.), *полрясокъ* («Сшили ... рясу кириловского сукна, до полрясокъ стамѣдной». Кн. расх. Ивер. м., № 24, 810б. 1663—64 г.), *полутѣлогрейка* («Полутѣлогрейка новая, китайчатая». АЮБ III, 267. XVII в.); детали одежды: *полукушачье* («Однорядка гвоздичная лундышна, полукушачье шелковое, полотенцо бѣлое». А. моск., 99, 1622 г.).

Кафтанъ определяется в СлРЯ XI—XVII вв. как «верхняя мужская одежда разного покроя и назначения; преимущественно верхняя длинная (почти до пят) одежда, с длинными рукавами, застегивающаяся спереди на пуговицы» (VII, 95). При толковании слова *полукафтанъ* и синонимичного *полукафтанье* первостепенное внимание уделяется указанию на внешние и детальные отличия именуемого предмета от кафтана: «кафтан короче и уже обыкновенного» (САР, 1847, III, 320), «короткий, в обтяжку» (Даль, III, 251), «короткополый кафтан» (ССРЛЯ, X, 1093), подчеркиваются и функциональные различия, обусловленные качеством ткани, шедшей на изготовление полукафтана: «носимый под шубою или верхним платьем» (САР 1847, III, 320), «поддевочный кафтан, под верхний» (Даль, III, 251). Таким образом, путь утраты первоначального представления об уменьшенной величине именуемого предмета прослеживается здесь особенно наглядно. Семантическое обособление сложного наименования от исходного делает возможным появление вторичнопроизводных с уменьшительным суффиксом: *полукафтанейцо* («Продано полукафтанейцо золотное». Кн. прих. Болд. м., 188. 1593—1607 гг.), *полукафтанешко* («А платишка... осталос(ь) толко зипуненко мозелное ветчаное да два полукафтанешко ветчаные ж». Колл. Зинченко, № 125, сст. 3. 1686 г.). «Золотное» *полукафтанейцо*, вероятно, обозначало еще более легкий вид одежды, чем *полукафтанье*, поэтому в морфологической структуре слова находится еще один показатель известного рода неполноты качества суффикс *-ейц-*. В слове *полукафтанешко* суффикс *-ишк-* несет другую смысловую нагрузку — уменьшительно-уничижительную — «ветчаное» *полукафтанешко*.

Очевидно, что слова данной тематической группы обозначают совершенно новую реалью, а может быть, и несколько новых реалий (*полу-*

кафтанъ — полукафтанье — полукафтанейцо), лишь приблизительно напоминающие ту, которая названа мотивирующим словом ⁹.

4. В названиях тканей. Включение их в данную семантическую группу основано на том, что понятие величины здесь также связано не с размерами предмета, а с составом его деталей, конкретно с составом пряжи, шедшей на их изготовление. Зависимость качества от меры (количества примеси в основной пряже) как бы спрятана глубоко внутрь мотивации, на первый план выступает внешнее сходство именуемой ткани с той, что названа вторым компонентом.

Как тематическая группа (точнее уже терминологическая) названия тканей представлены наиболее многочисленно: *полубарбарель* («Явил... пол. · · · косяка полубалбарелей [так!], · · · е · половинокъ лятчин». Там. кн. Тихв. м., № 1356, 14. 1670 г.), *полубархатъ* («19 арш. полубархата алово... на престолъ и на жертвеникъ». Кн. прих.-расх. Каз. пр., 57. 1613 г.), *полубархатъе* («Стихаръ(ъ) постной полубархатъе черное клетчатое». Кн. пер. Псков. Печ. м., 126. 1639 г.), *полубрюкишиъ* («Дворовая пошлина... съ сукна съ брюкиша... и съ полубрюкишевъ, и съ колтыревъ съ постава по три денги». ААЭ I, 399. 1586 г.), *полувиницейка* («На подклатку десять вершковъ тафты черной полувиницейки». Заб. Дом. быт, II, 541. 1627 г.), *полгранатъ* («Кафтанъ турской сукно вишнево полгранатъ». Роси. им. Н. Ром., 58. 1657 г.), *полукармазинъ* («Половинка сукна полукармазину, цѣна 40 руб.» Тов. цен. росп., 76. 1649 г.), *полукеджъ(-а)* ¹⁰ («Явил... 26 полукеджей малых, 40 киндяков дербадовых, 13 бязей белых малой руки». Там. кн. Моск. I, 75. 1693—94 г.), *полукисея* ¹⁰ («Товару... восемьдесят четыре бязи лощеных... шестьдесят четыре полукесей». Астрах. а., № 654. 1622—23 г.), *полукушачье* ¹⁰ («А с ними руског(о) товару: четырнатцат кушаков, девят полукушачей, три пестреди». Якут. а., карт. 4, № 8, сст. 4. 1641 г.), *полуобъярь* («Подолникъ полуобъярь зеленая струйчтая». Опись Моск. Усп. собора, РИБ III, 793. 1701 г.), *полутласье* («Стихаръ протопопской же подризной полутласье полосато, оплечье у него полутласье же зелено». Там же, 354. XVII в.), *полпестредь* ¹⁰ («· · · пестрядей, · · · к · полпестредей». Там. кн. Тихв. м. № 1310, 10 об. 1657 г.), *полушарлатъ* («Шапка с околomъ, полушарлатъ, петли низаны жемчюгомъ». Оп. им. Тат., 3. 1608 г.), *полушелковица* («Два пояса полушелковица с кистями». Оп. библи. Солов. м. II, 346. 1549 г.).

Как реалия с принадлежащим ей названием сохранился до наших дней *полубархатъ*, поэтому определения полубархата находим во многих словарях: «ткань таковая же, как и бархат, только реже онаго» (САР 1822, IV, 1450; Соколов, II, 634), «бумажный, плис» (Даль, III, 25), «хлопчатобумажный бархат» в отличие от настоящего, шелкового, бархата (Бр. и Ефр., т. 47, 381), полубархат сравнивается и с собственно хлопчатобумажным бархатом по материалу и переплетению нитей, пряжа для полубархата оказывается средней по толщине (Бр. и Ефр., т. 73, 351—352), но чаще с настоящим бархатом по составу пряжи: «ткань, представляющая собой имитацию бархата, состоящая в известной доле из бумаги» (ТСРЯ, III, 543), «хлопчатобумажная ворсовая ткань, похожая на бархат» (ССРЛЯ, X, 1082) и т. п. Все определения подчеркивают внешнее сходство именуемой ткани с бархатом, но если определения, данные в САР 1822 и у П. Соколова, акцентируют внимание только на этом, то последующие говорят об изменении состава ткани, ведущем к изменению ее качественных особенностей. Так, внешнее различие, неполнота качества («реже, грубее») по сравнению с предметом, названным второй частью, обусловлено уменьшением доли первоначального материала («шелка»), шедшего на изготовление ткани, названной второй частью сложного слова.

Подобное же объяснение значения находим для слова *полушелковица*. Так, у Даля это «полушелковая ткань, платье, шелк с бумагой, шерстью»

⁹ Ср. также *полутулуп* (волог., 1902 г.), *полутулупчик* (пенз., 1899 г., яросл., 1929 г.) — К СРНГ, *полусалопчик* — К ССРЛЯ, *полупальто*, *полуфрак*, *полушубок* — ССРЛЯ, т. X.

¹⁰ Иногда название ткани зафиксировано только в метонимическом значении штука данной ткани как товарная единица.

(сиб., III, 254)¹¹. В других толковых словарях находим определения прилагательного *полушелковый* «состоящий из шелка и других каких-либо нитей» (САР 1847, III, 322), причем поздние словари называют в качестве примеси хлопок или шерсть (ТСРЯ, III, 552; ССРЛЯ, X, 1128).

5. Близки к последней лексико-тематической группе названия пряжи, содержащей примесь золота или серебра: *полузолотье* («Отъ двадцати завязокъ шолковыхъ лопатки дѣланы въ кружки съ полузолотьемъ». Кн. прих.-расх. Каз. пр., 142. 1614 г.), *полусереберье* («Завяски шолкъ багровъ, лопатки ткани съ полусереберьемъ». Заб. Разр., 334. 1623 г.). *Полузолотье* противопоставляется «прямому» золоту («А ведать, чтоб золото было прямое, а не полузолотье, оселкою притнут к золоту, а буде прильнет красно, то прямое золото». Цветник, 134. XVII в.)

Примечательно, что в описаниях состава тканей или пряжи мы не находим указания на равное, «половинное», количество основного материала и примеси. Точные величины здесь уже не имеют значения для мотивации наименования, «числительное» значение, по существу, не ощущается¹².

III. Третья семантическая группа объединяет слова, в которых понятие неполноты качества совершенно несоотносимо с какой-либо измеряемой величиной. Понятие величины переносится в область отвлеченных, абстрактных представлений, связано с более низким статусом именуемого объекта по сравнению с исходным.

Сюда входят наименования людей по чину, должности, званию, занимаемому в обществе положению: сохранившееся в составе имени собственного *полубояринъ* («Роспись имянная... посадцкимъ людемъ ... Федька Ивановъ сынъ Полубояре». Писц. д. I, 577. 1627 г.), *полуголова* («[Посланника] за Землянымъ городомъ встрѣчаетъ голова стрелецкой или полуголова, да подъячей». Котош., 67. 1667 г.), *полумастеръ* (Да на томъ же дворѣ поваровъ, мастеровъ и полумастеровъ, и учениковъ, и судомоевъ, и водовозовъ, и сторожей будетъ болши полтораста человекъ». Там же, 77), *полполковникъ* («Помянутой Ламбой... проѣзжую просилъ на полковника Холдакер да на полполковника Бентина». Куранты³, 185. 1648 г.) и *полуполковникъ* («С свѣиские стороны на семъ бою убитыхъ из начальныхъ людей... полуполковникъ Бредковский». Куранты¹, 170. 1636 г.)¹³.

Все эти наименования обозначают чин, должность, звание, положение на одну ступень ниже названного второй частью сложения. Так, *полуголова* определяется как «в старинном войске старший по голове, товарищ головы» (САР 1847, III, 319), «помощник головы, или подполковник» (Даль, III, 250). Объяснение слова *пол(у)полковникъ* находим в памятнике XVII в.: «Баталионъ состоитъ изъ ·Г·, ·Д· и ·Е· ротъ и есть обыкновенно сие половина или третья часть полку, и кто над онымъ повелѣваетъ, тотъ есть полуполковникъ или маюръ» (Устав Вейде, 24. 1698 г.). Словари толкуют это слово с помощью синонимичного *подполковник*: «старший

¹¹ Несколько неожиданно здесь отнесение наименования к названиям одежды: «полушелковица... платье». Ни одна из цитат XVI—XVII вв., имеющих в нашем распоряжении, не иллюстрирует подобного переноса наименования. Приведенное выше *полукушачье*, по-видимому, является следствием омонимии параллельно развившихся образований.

¹² Характер мотивации названий тканей может быть представлен и как наиболее близко стоящий к исходной семантике слова *полъ* («одна из двух частей целого»), поскольку состав ткани, именуемой с помощью *пол-/полу-*, первоначально включал два вида пряжи: названная мотивирующим словом и еще какая-либо. Отсюда значение *пол-/полу-* можно считать как бы сохраняющим здесь момент членения целого на две части. Со временем, однако, этот момент утрачивается, так как в составе пряжи может быть более чем два компонента. Такой подход к объяснению мотивации названий тканей находим у М.-О. Маликовой [2]. Отнесение же названий тканей на последнее место во II семантической группе как обладающих наиболее абстрактной семантикой компонента основано на том, что различия между исходным объектом и объектом номинации заключаются во внешних качественных особенностях реалий. *Пол-/полу-*, следовательно, выражает здесь значение «неполного подобия», «частичной похожести», однако первоначально не исключена и двойная мотивация по количеству и качеству.

¹³ Ср. также *полусержантъ* [«К сему прош(е)ни(ю)... полусержантъ Петръ Сергеевъ сынъ Матвѣвъ... руку приложилъ». «Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1981, с. 167, 1741 г.] и *полукипер* «должность на корабле» (Н. С. Лесков, «Левша», гл. 16—19).

по полковнике, подполковник» (САР 1847, III, 321), «подполковник» (ворон., Опыт, 168; Даль, III, 253 и др.). *Подполковникъ* также было в употреблении в рассматриваемый период: «Драгунсково строю в Борисове: полковникъ... подполковникъ, маеор, 7 человекъ капитанов». Днев. зап. ПТД, 19. 1657 г. В данной семантической группе *пол(у)-* выступает синонимом к *под-*. *Полумастеръ*, который, с одной стороны, противопоставляется мастеру, с другой, ученику, имеет соответствие *подмастерье*: «Да подмастерьи и пушкаремъ дано гривна». Кн. расх. Болд. м., 157. 1598—1600 гг. Ср. также *подповарье*, употреблявшееся в тот же период: «Поваръ да подповарье». Кн. расх. Кир. м., 12. 1588—1622 гг.¹⁴

Несколько сложнее, возможно, обстоит дело со словом *полубояринъ*. Более позднее, тематически близкое *полубаринъ* имеет две группы значений: 1. «Однодворец», то же *полупанъ*, *полупанокъ* (южн., Даль, III, 252); «барин, имевший прежде землю без крестьян» (волог., К СРНГ); 2. «Подражающий барам» (САР 1847, III, 319), то же *полубарокъ* и *полубарье* «вышлец простого рода» (псков., Даль, III, 250; твер., Доп., 196). Помимо значений субординации (здесь имущественной) *полубаринъ* имеет значения эмоционально-негативной оценки именуемого объекта, возникающие в результате метафорического употребления сложного слова в целом. Производные метафорические значения, вероятно, относятся к более позднему времени, и слово *полубояринъ* скорее всего мотивировано на основе имущественной и социальной субординации объектов. Однако возможность метафорического переноса в значениях сложения представляет несомненный интерес как свидетельство семантического развития качественного *пол-/полу-* в сторону более абстрактных представлений.

В заключение необходимо отметить, что формирование нового лексического значения в регулярном корневом компоненте сложения, до некоторой степени стимулированное в книжной речи влиянием иноязычных образцов, осуществляется путем уточнения значения, его обособления, поиска своего места в ряду синонимичных средств языка.

Семантика сложений с *пол-/полу-* в XI—XVII вв., как мы видели, уже не исчерпывалась обозначением половины или середины объекта. Развитие переносных качественных значений исследуемой морфемы началось уже в ранний период истории языка, параллельно с существованием *полъ* как самостоятельного слова. К концу XVII в. эти значения в основном наметились и послужили той базой, на которой развилась высокая продуктивность данной словообразовательной морфемы, широко охватившая впоследствии сферу прилагательных и глаголов.

ИСТОЧНИКИ

- САР 1822 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. IV, СПб., 1822.
Соколов — Соколов И. Общий церковно-славяно-русский словарь. Ч. 2, СПб., 1834.
САР 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. III. СПб., 1847.
Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III, М., 1955.
ТСРЯ — Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова Д. Н. Т. III. М., 1939.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 10. М. — Л., 1960.
Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. Трубачева О. Н. Т. III. М., 1971.
Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. т. II. М., 1958.
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Тт. 1—10. М., 1975—1983.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Доп. — Дополнения к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Добровольский — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Т. 1—2. Смоленск, 1914 г.
Бр. и Ефр. — Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза — Ефрона, т. 47, СПб., 1903; т. 73, СПб., 1903.

¹⁴ Ср. *полудружья* и *поддружья* — помощники дружки во время свадебного обряда («Собрание народных песен П. В. Киреевского». Т. 1. Л., 1983, словарь).

- БСЭ — Большая советская энциклопедия. 2-е изд., Т. 33. М., 1955.
 Flav. — Niese B. Flavii Iosephi opera. V. VI. De bello Iudaico. Berlin, 1894.
 Дворецкий — Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1—2. М., 1958.
 К XVIII в. — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (ЛЮИЯ АН СССР).
 К СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (ЛЮИЯ АН СССР).
 К ССРЛЯ — Картотека Словаря современного русского литературного языка (ЛЮИЯ АН СССР).
 К ДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (ИРЯ АН СССР).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Г. А. Семантические наблюдения и лексикографическая практика. I **polъ* и поль¹, поль², поль³. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 49.
2. Malíkovič M.-O. Slovo tvorná a semantická štruktúra slov a lexikálnou morfému pol-/polo-/polu- v ruštine. — Slavica Slovaca, 1970, 5, 1.
3. Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966, с. 37.
4. Черепанов М. В. О разграничении словосложения и префиксации. — РЯШ, 1968, № 5, с. 101.
5. Немченко В. Н. О сложных существительных с начальным компонентом пол- (полу-) в современном русском языке. — РЯШ, 1978, № 6, с. 86.
6. Головин В. Г. Очерк деривации имен прилагательных современного русского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Самарканд, 1971, с. 28.
7. Дубровина В. Ф. Греческий оригинал в лексикографической практике. — В кн.: Древнерусский язык. М., 1980.
8. Флехенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1963, с. 17, 15.
9. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 6—8.
10. Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с. 52.